

Юлия Бирюкова

Апология православного духовенства в тюремных записках П. В. Верховского 1922 г.

Przegląd Wschodnioeuropejski 6/2, 53-65

2015

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Юлия БИРЮКОВА

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва)

АПОЛОГИЯ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА В ТЮРЕМНЫХ ЗАПИСКАХ П. В. ВЕРХОВСКОГО 1922 г.

Apology of the Orthodox Clergy in the Prison Notes of P. V. Verkhovsky (1922)

Ключевые слова: П. В. Верховский, Русская Православная Церковь, государственно-церковные отношения, политические взгляды духовенства, источники личного происхождения.

Keywords: P. V. Verkhovsky, Russian Orthodox Church, relations between the church and the state, political convictions of clergy, biographical notes

ABSTRACT: The article studies the prison notes of P. V. Verkhovsky, the famous public figure, the historian and the expert of the law. Verkhovsky took these notes in 1922 after he had been arrested and accused of counterrevolutionary activity. The notes speak volumes about the attitude of the Russian Orthodox clergy toward events of the Russian Revolution of 1917 and the following Civil war. Verkhovsky is defending clergy, demonstrating that their participation in counterrevolutionary activity contradicts their purposes “job description”. Assuring the absolute loyalty to the Soviet regime, Verkhovsky conceals about his own anti-Soviet position during the Civil war, when he was opposing to the Bolsheviks policy.

В 1921 г. в Ростове-на-Дону органы ВЧК¹⁰ объявили о ликвидации «контрреволюционной организации князя Ухтомского»². Организация имела также названия «Армия спасения России» или «Вторая повстанческая

---

¹ Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР, 6 февраля 1922 г. передала полномочия Государственному политическому управлению (ГПУ).

² Константина Эрастовича Ухтомского не следует путать с епископом Андреем (Ухтомским). Князь К. Э. Ухтомский – царский полковник, в 1897 г. окончивший Академию Генерального Штаба, в Русско-японскую войну – командир батальона, в 1908–1910 гг. – представитель Генерального Штаба при российском посольстве в Японии, в Первую мировую – командир бригады и командир дивизии на Варшавском фронте, генерал-майор. После тяжелого ранения и операции в Киеве в ноябре 1919 г. оказался проездом в Ростове-на-Дону (см.: Боранова 2011).

волна Юга России». В действительности же она была создана самой ЧК³ при участии провокаторов, и находилась под её негласным контролем. Целью данной операции ЧК являлся разгром повстанческого движения на Дону. По делу проходило 257 человек. Постановлением чрезвычайной тройки ВЧК к высшей мере наказания было приговорено 58 человек, расстреляно 56 (в том числе женщины, которые занимались организацией благотворительности), из них лишь 32 чел. принадлежали к повстанческим отрядам. 18 человек отправили в концлагеря, 63 человека освободили. Следственное дело состояло из 9 томов. Одним из обвиняемых стал протоиерей Ростовского-на-Дону Кафедрального собора Павел Верховский. Это был известный историк, специалист в области церковного права, видный церковный и общественный деятель начала XX в. профессор Павел Владимирович Верховский (Верховской).

Личность Верховского уже становилась предметом научного рассмотрения. Впервые краткая биографическая статья об этом церковно-общественном деятеле была опубликована в Православной Энциклопедии профессором С. В. Римским (см.: Римский, 23–24). Более подробно биография рассматривалась в ряде публикаций автора данной статьи (см.: Бирюкова 2014, 193–203). А некоторые аспекты его деятельности были отмечены в работах, посвященных государственно-церковным отношениям в революционной России (см.: Ковырзин 2008; Бирюкова 2011; 2012).

Современная методология позволяет обратиться к изучению внутреннего мира, политического, религиозного и культурного сознания человека, его повседневных моделей поведения и практик, складывающихся в условиях социально-политической действительности, в конечном счете, понять индивидуальную позицию субъекта истории. Принцип понимания другого может реализовываться через метод психологической интерпретации источников, на который мы будем опираться в работе.

Целью же нынешнего исследования является рассмотрение принципов защиты православного духовенства, и шире – всей Церкви, перед лицом антирелигиозного государства и его репрессивных органов, предпринятой в записках Верховского, написанных им в застенках ЧК. С этой главной целью связаны два вопроса, подлежащих анализу: степень достоверности изложенной информации и ее соответствие действительным взглядам профессора, с учетом обстоятельств появления записок.

В томах № 3 и № 8 архивно-следственного дела «организации Ухтомского» имеется ряд документов – автографов Верховского. Это заявления, показания, записки.

---

³ Имеются в виду местные органы Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

Наиболее интересны две записки (от 8 и 10 февраля 1922 г.), написанные им в Бутырской тюрьме, и предназначенные представителям органов ГПУ⁴, которые вели следствие по делу Верховского. Одна из них – о политических убеждениях – имеет конкретного адресата. Это – начальник 6 отделения КРО ГПУ⁵, уполномоченный по борьбе с контрреволюционными организациями И. И. Сосновский⁶. Другая записка адресата не имеет и является приложением к протоколу допроса⁷.

Цель записок довольно прозрачна – опровергнуть обвинения в контрреволюционности, как православного духовенства вообще, так и самого Верховского, в частности, доказать несостоятельность обвинений со стороны репрессивных органов советского государства. Как юрист, Верховский предпринимает попытки самозащиты. Он основательно аргументирует свою позицию примерами из собственной жизни до революции и в период Гражданской войны, а также в первые годы советской власти. Автор описывает становление своих убеждений, что определило автобиографичность данных документов. В записке от 10 февраля он мысленно переносится в период Февральской и Октябрьской революций и Гражданской войны, выражая свое отношение к происходящему тогда: неоправданные надежды на Февраль и настороженность к октябрьским событиям.

Основные идеи записок следующие.

Во-первых, Верховский хотел убедить представителей власти, что Церковь по своей природе и задачам аполитична. Союз Церкви с монархией имел вынужденный характер и был вреден для Церкви. Для характеристики этих отношений Верховский использовал такие слова, как «недоразумение», «ошибка», «привычка».

Свой собственный отказ от более раннего принятия сана Верховский объяснял как протест против государственной политики и бюрократизации Церкви, писал, что сам опасался в случае принятия священства обратиться «в духовного чиновника, обязанного быть проводником определённой политики» (см.: Записка о государственно-церковных отношениях). «Я хотел показать желающим всю красоту, величие и философскую стройность

---

⁴ Государственное политическое управление при Народном комиссариате внутренних дел РСФСР.

⁵ Контрразведывательный отдел во главе с А. Х. Артузовым, задачей которого была борьба с иностранной разведкой, разведкой политических антисоветских партий, белогвардейцев, диверсантов и шпионов внутри государства и за рубежом.

⁶ Игнатий Игнатьевич Сосновский (Добржинский) – поляк, офицер Польской армии, начальник разведывательного отдела Польской армии в Литве и Восточной Пруссии. В 1920 г. переходит на службу в ВЧК. В 1922 г. начальник 6-го (белогвардейского) отделения Контрразведывательного отдела ГПУ.

⁷ Записки с кратким комментарием публикатора были опубликованы (см.: Бирюкова)

христианского мировоззрения, о котором за 1000 л[ет] своей истории русские люди, в сущности, почти ничего не слышали», – пояснял Верховский своё решение (см.: Записка о государственно-церковных отношениях).

В записках автор подчеркивал аполитичность мотивов своей деятельности (приходской, благотворительной), и настаивал на том, что такой же была и его точка зрения в имевших место беседах о Гражданской войне и положении России.

Во-вторых, Верховский писал о положительном значении революции для религии: революция дала возможность Церкви быть самой собой. Верховский утверждал, что до революции он тяжело переживал утвердившийся в церковном управлении «бюрократизм», «распутиновщину», зависимость от правительственной политики и необходимость вмешиваться в политическую жизнь в ущерб духовной. Поэтому он с радостью приветствовал Февральскую революцию, надеясь, что она освободит Церковь от слишком тесных государственных объятий, «от обязательства играть какую-либо политическую роль», обратит ее к внутренней духовной жизни (см.: Записка о государственно-церковных отношениях). «Сбросить путы правительственной опеки», – это, писал он, закономерный этап жизни, как всего русского народа, так и церковной власти (см.: Записка о политических убеждениях). Считал, что негативные явления временны, что надо просто перетерпеть, он верил: «Все непригодное к жизни со временем отпадет само собою» (см.: Записка о политических убеждениях), «все ошибки, неизбежные при сурово-последовательном проведении умозрительно составленных программ, постепенно будут исправлены самою жизнью, самим опытом власти, по мере их практического осуществления» и на первый план все же выйдут благие цели этих программ, «а сами цели этих программ, бесспорно, весьма симпатичны и общеобязательны» (см.: Записка о политических убеждениях).

Положительный итог декрета об отделении Церкви от государства он видел в освобождении духовенства от несвойственной роли. Духовенство примет «новый курс сосредоточенной чисто религиозной жизни и деятельности» и будет вести к этому ту часть общества, которая разделяет веру в Бога (см.: Записка о политических убеждениях). Никаким образом духовенство не будет задействовано в политике – недоразумение, заключающееся в сращении с государством, будет исчерпано. Декрет, по словам Верховского, ведет к оздоровлению Церкви – подрывает «бюрократизм иерархии» и т.п.

В-третьих, вывод из социально-культурной истории, по мнению Верховского, таков, что материализм и идеализм находятся в диалектическом единстве, всплеск интереса к религии неизбежен, и поэтому нужно позволить определенной части людей придерживаться идеали-

стических взглядов. Со ссылкой на историю, он писал: «...после глубокого отрицания в корне даже всей идеологии во имя совершенно новых идеалов, непременно наступит эпоха нравств[енной] реакции и очень многие вернутся к религии... Со времен Платона и Демокрита идеализм и материализм все время сменяют друг друга в сознании человечества... по закону смены историч[еских] явлений нужно непременно ждать критического отношения масс к пережитому, целого ряда поправок к современному полит[ическому] положению и хоз[яйственному] строю, и в частности, возрождения интереса к религии и вообще идеализму» (см.: Записка о государственно-церковных отношениях).

Верховский хотел убедить сотрудников ГПУ в том, что Церковь безвредна для советской власти, и может быть союзницей государства, приносить пользу, предупреждая духовный упадок, так как без нравственности невозможны социальные реформы. Сам же автор не может быть контрреволюционером, так как это не соответствует его убеждениям – он не противник отделения Церкви от государства.

Верховский писал, что будучи еще в Варшаве, он перевел для студентов «Очерки истории Церкви Р. Зома», и нашел там мысли об исторической необходимости пролетарской революции, которые счел весьма справедливыми (см.: Записка о государственно-церковных отношениях).

В записках их автор предстает как идеалист, почти романтик, по его же собственному выражению, «с некоторой примесью гегельянства» (см.: Записка о государственно-церковных отношениях).

Пометы следствия в первой записке говорят о том, что из всего изложенного для самих следователей имел значение лишь факт общения их автора с Ухтомским, что могло бы обосновать обвинительное заключение. Целью карательных органов было не установление истины, не поиск компромиссов, а устранение человека, который мешал новой власти, несмотря на то, что он использовал при этом вполне легальные инструменты, не выходящие за рамки существующего законодательства.

Возникает вопрос: насколько идеи, изложенные в записках, соответствуют действительности, насколько они отвечают истинным взглядам Верховского? Для того, чтобы ответить на него, необходимо проследить, как воплощались его убеждения в жизнь до и после Октябрьской революции, насколько он последователен в своих суждениях и действиях.

Без анализа обстоятельств жизни профессора ответить на этот вопрос представляется невозможным.

Родился Верховский 31 декабря 1879 г. в Санкт-Петербурге, в семье потомственных дворян Костромской губернии. В 1902 г. он окончил юридический факультет Петербургского университета с дипломом первой

степени, а затем Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия, и остался в университете на кафедре церковного права. О годах своей юности он писал: «Политика прошла мимо меня. Ни в У[ниверситете], ни в А[кадемии] я никогда не участвовал ни в каких обычных студенческих кружках, не интересовался политической историей и возможными практич[ескими] из нее выводами, и даже в 1905 г. не обращал почти ни на что внимания, писал свою диссертацию» (см.: Записка о государственно-церковных отношениях).

Карьера стала стремительно развиваться, и в 1906 г. он поступил на службу в канцелярию обер-прокурора Святейшего Синода. Защитив магистерскую диссертацию о церковных имуществах в XVIII в., Верховский получил предложение занять кафедру Истории Русского Права в Варшавском Университете, на что и согласился в 1909 г., переехав «в губернию Царства Польского». Вспоминая этот период, он писал: «Устроиться как ниб[удь] иначе на научном поприще в тот момент мне было невозможно, а между тем у меня уже была семья» (см.: Записка о государственно-церковных отношениях).

Здесь, в Варшаве, 28 февраля 1909 г. он был назначен исполняющим обязанности доцента, 20 мая – экстраординарным профессором, а 26 ноября 1913 г. – ординарным профессором по кафедре истории русского права Варшавского университета. 6 ноября 1909 г. – избран в Совет Варшавского университета и утвержден членом профессорского дисциплинарного суда (по 1914), а с 10 декабря 1909 г. исполнял еще и должность секретаря юридического факультета Варшавского университета.

В Варшаве в 1912 г. вышли в свет его «Очерки по истории Рус. Церкви в XVIII и XIX ст.», стяжавшие большую популярность (см.: Форумный список). А в 1913 г. он переходит на кафедру церковного права Варшавского университета (см.: Записка о государственно-церковных отношениях).

О годах преподавания в Варшаве мы также знаем из записок Верховского: «Излагая студентам социально-полит[ическую] историю России я всегда подчеркивал перед ними глубокие несовершенства и историч[еские] ошибки полит[ического] и имуществ[енного] быта прежнего, особенно последнего времени, стараясь внушить им отвращение к обществ[енному] неравенству и экономич[еской] порабощенности трудового народа. Одновременно с этим я читал и философам спец. предмет по истории церкви» (см.: Записка о государственно-церковных отношениях). Далее он пишет, что эти наблюдения помогли ему понять закономерность произошедших в дальнейшем исторических событий – мировой войны и последующей революции в России.

Вместе с Варшавским университетом в 1915 г. профессор оказался в эвакуации в Ростов-на-Дону. Постановлением Временного правительства Варшавский университет был переименован в Донской, а Павел Владимирович занял должности профессора по кафедре церковного права и секретаря юридического факультета (см.: *Формулярный список*).

Широкую известность профессор Верховский приобрел после защиты докторской диссертации и издания одноименной книги «Учреждение Духовной коллегии и “Духовный регламент“: К вопросу об отношении Церкви и государства в России» (Верховский 1916), посвященной синодальной реформе Петра I. Глубокий анализ реформы, и ныне не потерявший своей актуальности, определил место Верховского в числе крупнейших историков синодального периода истории Русской Церкви. По его мнению, реформа Петра была началом правового подчинения Церкви государству и приспособления ее к нуждам и задачам чисто мирским и светским. Возрождение подлинной религиозности русского народа он напрямую связывал с восстановлением юридической свободы Российской Церкви.

В период дискуссий о государственно-церковных отношениях и выработки основных принципов назревшей реформы синодальной системы в 1917 г. Верховский развернул широкую общественную деятельность. Между государством и Церковью, полагал он, должна существовать связь, которая не противоречит принципу свободы совести. Однако, Церковь в свободном государстве должна быть свободна и автономна в своей внутренней жизни, должна выполнять свои специфические функции – влиять на духовную и культурную жизнь общества, и не быть орудием государства в достижении его политических целей. Между государственной и светской властями должна произойти определенная сепарация – церковные учреждения и органы управления не должны быть структурной частью государственного аппарата, тем не менее, отделение Церкви от государства его проектом не предусматривалось. Государство выполняет его неотъемлемые функции, на основании которых оно имеет право наблюдения и контроля над соблюдением религиозными организациями государственного законодательства (их деятельность не должна идти во вред государству). Составляя проект закона, Верховский стремился учесть права всех исповеданий и сохранить принцип свободы совести. Все религиозные организации должны быть корпорациями публичного права. Однако первое среди других религиозных исповеданий наиболее благоприятствуемое в государстве публично-правовое положение должна занимать Православная Российская Церковь.

Весной 1917 г. Верховский изложил свое видение обновленных государственно-церковных отношений в серии статей, а затем в ходе

Всероссийского съезда духовенства и мирян, прошедшего в Москве 1–12 июня 1917 г. Профессор подготовил проект статей «о вере» предполагаемой российской конституции. По мнению современных исследователей, «это был, по существу, единственный детально разработанный профессиональным юристом законопроект, вышедший из церковной среды, опирающийся на зарубежный опыт (большинство его статей имело прецеденты и аналоги в европейском законодательстве) и учитывающий российскую специфику» (см.: Ковырзин 2008, 88). Выступив со своей концепцией кооперационных государственно-церковных отношений в революционной России, он оказал значительное влияние на выработку позиции Православной Российской Церкви по отношению к своему правовому и идеологическому положению в государстве после Февральской революции. Именно Верховский стал автором проекта Определения Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. о правовом положении Церкви в государстве, принятого Собором с небольшими изменениями 2 декабря 1917 г.

В период Гражданской войны Верховский участвовал в Юго-Восточном русском церковном соборе в Ставрополе (1919), на котором был избран членом Временного Высшего Церковного Управления на Юге России, занятом войсками генерала А. И. Деникина. В 1920 г. в Ростове-на-Дону он принял священный сан.

Вскоре последовал его арест сотрудниками Донской ЧК, 12 июля 1921 г. Так называемое следствие протекало в условиях жесточайшего давления советских карательных органов: Верховский пробыл в тюрьме 9,5 месяцев, в том числе 3 месяца в одиночном заключении без допроса, существенно подорвал здоровье, писал о себе, как о «надломленном человеке» (см.: Верховский 1922). Физические страдания Верховского усиливались моральными – бедствовала семья.

Павла Владимировича содержали в Москве, в Бутырской, а затем в Таганской тюрьме. Верховный Трибунал ВЦИК⁸ приговорил его к расстрелу, но приговор заменили десятью годами лишения свободы с поражением в правах на 5 лет. 28 февраля 1924 г. Верховского освободили по амнистии, остаток срока заменили принудительными работами (см.: Постановление об амнистии). После освобождения, священником он уже не служил. Это обстоятельство он объяснял в личной переписке – в письмах из Москвы протоиерею ростовского собора Дмитрию Новочадову. Во время заключения особые волнения Верховского были связаны

---

⁸ Всероссийский центральный исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов – высший законодательный, распорядительный и контролирующий орган государственной власти в 1917–1937 гг.

с неизлечимой болезнью жены и положением практически голодающей семьи. Эта тема проходит рефреном в письмах Новочадову. Поэтому, после освобождения, Верховский принял тяжелое для него решение не возвращаться к священническим обязанностям, и чтобы кормить семью поступил на службу в Центральный институт труда ВЦСПС⁹ (см.: Гастев 1922; Протокол допроса). Из переписки следует, что он расценивал отказ от священства как «трагедию души» и, по-видимому, считал это состояние временным (см.: Письмо). В 1936 г. Павла Владимировича снова арестовали, приговорили к длительному заключению с последующей ссылкой в поселок Инта, Коми АССР, где он впоследствии скончался 10 апреля 1943 г.

Верховский принял сан священника, когда в Донской области уже правили большевики. Он ушел из университета и приступил к обязанностям настоятеля храма. Это было совершенно новое состояние, но и здесь, как специалист по праву, он оказался ключевой фигурой в деле выстраивания отношений между церковными организациями и местной властью, основным посредником между ними, организатором легального сопротивления антицерковным действиям властей (см.: Бирюкова 2011, 37–41; Бирюкова 2012, 42–50). Отец Павел пользовался авторитетом у населения Ростова-на-Дону, даже среди советских работников. Донская комиссия «по отделению церкви от государства» приглашала его в качестве эксперта. Знакомые с Верховским по университету сотрудники отдела юстиции, при котором и была учреждена комиссия, обратились к нему за помощью в деле установления новых порядков и «уяснения точного смысла декрета» (см.: Записка о государственно-церковных отношениях в Донской области).

Когда в 1922 г. бывшего председателя комиссии по отделению Церкви от государства А. В. Карагичева вызвали на допрос в московское ГПУ в качестве свидетеля по делу Верховского, он отметил, что это был человек «весьма влиятельный в делах Донской церковной жизни, был сторонником решительного проведения декрета в жизнь» и производил «впечатление человека вполне лояльного», в работе Комиссии, а также в Донском отделе юстиции «принимал активное и постоянное участие, был полезен, являясь посредником между Комиссией и духовенством Ростова» (см.: Протокол допроса Карагичева).

Под руководством Верховского духовенство использовало противоречия внутри властных структур – между органами юстиции и карательно-репрессивными органами, борющимися за свои интересы. Верховский демонстрировал позицию непротивления декрету, однако, он требовал

---

⁹ Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов.

действительного, а не мнимого отделения, то есть невмешательства власти во внутреннее устройство и дела Церкви, точное соблюдение законодательства о религии, построение необходимого диалога.

Интересно, что тактики Верховского в отношениях с государственной властью придерживались и другие представители донского духовенства, сосланные впоследствии на Соловки. В условиях разворачивающихся гонений они также воспринимали декрет скорее как гарантию соблюдения прав Церкви, ссылались на советское законодательство – на декрет о свободе совести, предоставивший, по их словам, свободу религиозных убеждений (см.: Заявление священников). Похожие идеи мы находим и в «Соловецком послании» (см.: К правительству СССР).

Представляется, что не без влияния Верховского Донская областная комиссия «по отделению церкви от государства» в циркуляре для окружных бюро юстиции объясняла общее понимание декрета так: «Отделение церкви от государства означает освобождение церкви от вмешательства Государства и освобождение Государства от вмешательства церкви» (см.: Циркуляр).

Позиция Донской ЧК, проводящей жесткую антирелигиозную линию, игнорировалась, и это не могло остаться без последствий. В результате, Донская комиссия по отделению церкви от государства была разгромлена, а протоиерей Павел Верховский арестован (см.: Бирюкова 2012, 47).

Однако позицию Верховского в период Гражданской войны нельзя назвать однозначно аполитичной и неопределенной в отношении власти большевиков. Участие в Юго-Восточном русском церковном соборе в Ставрополе в 1919 г. говорит о том, что Верховский был всецело на стороне Добровольческих сил, и не сомневался в победе Добровольческой армии, а также в необходимости этой победы. Действия же новой власти он считал несовместимыми с нравственностью и свободой.

В составленном Верховским тексте ответной телеграммы председателю съезда духовенства и мирян села Донского говорится: «...Поместный Церковный Собор Юго-востока России благословляет всех, носящих священное имя Христа отложить уныние и смятение духа и смело ополчиться на духовную брань, памятуя, что наша брань не к плоти и крови, а к миродержателям тьмы века сего» (см.: Проекты).

Несмотря на то, что уже существовало управление исповеданий в ряду других учреждений Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России, проблема определения правового статуса Церкви интересовала членов собора, очевидно, считавших этот вопрос не закрытым. Инициатива образования особого отдела для решения этого вопроса исходила от Верховского (см.: Заявление членов Юго-Восточного русского церковного собора). Он же составил и заявление

отдела, в котором после упоминания о введении декрета об отделении Церкви от государства на территориях, занятых красными, говорилось: «Между тем, по мере освобождения занятых большевиками мест, явится необходимость установить отношения Церкви и Государства на более культурных основаниях, а также ликвидировать тот нравственный вред, который нанесен теперь ненавистничеством ко всему религиозному в России» (см.: Заявление членов Юго-Восточного русского церковного собора).

Еще определеннее и жестче звучит послание Юго-Восточного русского церковного собора «Всем верным чадам...», зачитанное на соборе Верховским: «Героическое победоносное движение к центру Великой России Добровольческой армии... вселяют в души всех верующих русских людей чувства горячего упования с Божиею помощью скорого избавления наших братьев, тяжко страдающих под игом большевизма в центральных губерниях России» (см.: Протокол № 1).

Известно, что собор в целом занял сдержанную политическую позицию. Поддержка белых была обусловлена традиционной связью церковного управления с существующей государственной властью в лице Деникина, которая выступила союзницей Церкви в борьбе с безбожием и гонением на веру. Собор рассматривал происходящие в России события с нравственно-духовной точки зрения. Нравственное падение – вот причина всех народных бедствий: «Озверел народ великий, Великая Русь стала у края гибели», – говорится в обращении к Деникину (см.: Обращение собора). Но обличая антихристианский и античеловеческий характер идеологии большевизма, собор все же осознанно не выразил своей позиции о желательной форме правления.

Подводя итог, следует отметить, что, несмотря на то, что записки были написаны под давлением, мысли, изложенные в них, в целом не противоречат взглядам автора. Понимая, что, по мнению большевиков, Церковь не отделима от монархии, а слово «священник» – синоним слова «контрреволюционер», Верховский стремится показать, что сосуществование Церкви и советского государства возможно, а их сепарация закономерна и может стать основой новых отношений, что духовенство в принципе аполитично по задачам и характеру своего служения и не представляет опасности для новой власти. Верховский сохранил тот стиль отношений с советской властью, который был выработан в период сотрудничества с комиссией по отделению Церкви от государства в Ростове-на-Дону – выполнение распоряжений власти и мягкое дипломатичное с опорой на существующее законодательство отстаивание позиций церковного сообщества. Стронник кооперационной модели государственно-церковных отношений до революции, он стремится

наладить подобную систему взаимоотношений и с советской властью. Однако, заверяя следствие в своей абсолютной лояльности, он, конечно, умалчивал о своем неприятии советской власти в связи с ее политикой насилия и подавления религии.

Литература

- Бирюкова, Ю. А. (2011), Правовые формы сопротивления ростовского духовенства антицерковной политике советской власти в 1920–1921 гг. В: Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 6 (12), 37–41.
- Бирюкова, Ю. А. (2012), Советская власть и православные общины Дона в 1920–30-х гг. Характер отношений на местах. Ростов-на-Дону, 42–50.
- Бирюкова, Ю. А. (2012), Исповедь в застенках ВЧК. К биографии историка и общественного деятеля профессора протоиерея П. В. Верховского. В: Вестник ПСТГУ. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. 5 (48), 87–104.
- Бирюкова, Ю. А. (2014), П. В. Верховский: судьба на рубеже эпох. В: Репина, Л. П. (ред.), Слава и забвение: парадоксы биографики: сборник научных статей. Санкт-Петербург, 193–203.
- Боранова, Г. Н. (2011), Авантюра Лагутина. Выступления против советской власти на Дону в 1921 году. В: Донской временник: политические партии и движения на Дону. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m4/1/art.aspx?art_id=508 (доступ 2011).
- Верховский, П. В. (1916), Учреждение Духовной коллегии и «Духовный регламент»: К вопросу об отношении Церкви и государства в России. В 2-х т.: Т. I. Исследование. Т. II. Материалы. Ростов-на-Дону.
- Верховский, П. В. (1922), Заявление в 6 отделение КРО ГПУ. 5 октября 1922 г. В: Архив Управления Федеральной службы безопасности по Ростовской области (УФСБ РО). Д. П-59205 («Армия спасения России». К[онтр]-рев[олюционная] организация князя Ухтомского). Т. 8. Л. 201 об.; Заявление. 17 февраля 1922 г. Там же. Л. 181–181 об.
- Гастев, А. (1922), [Поручительство в Верховный Трибунал заведующего ЦИТ ВЦСПС об освобождении Верховского]. 22 декабря 1922 г. Архив УФСБ РО. Д. П-59205. Л. 240.
- [Записка о государственно-церковных отношениях в Донской области]. 8 февраля 1922 г. В: Архив УФСБ РО. Д. П-59205. Т. 8. Л. 171–172 об.
- [Записка о государственно-церковных отношениях в приложении к протоколу допроса]. 8 февраля 1922 г. В: Архив УФСБ РО. Д. П-59205. Т. 8. Л. 174–177.
- [Записка о политических убеждениях уполномоченному по важным делам Сосновскому]. 10 февраля 1922 г. В: Архив УФСБ РО. Д. П-59205. Т. 8. Л. 182–183 об.
- [Заявление священников И. Жежеленко, А. Трефильева и Д. Новочадова в ВЦУ]. В: Архив УФСБ РО. Д. П-53110. Л. 185.
- [Заявление членов Юго-Восточного русского церковного собора о необходимости создания отдела о правовом положении Церкви в России]. 1919 г. В: ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 1. Л. 40–40 об.
- Ковырзин, К. В. (2008), Поместный собор 1917-1918 годов и поиски принципов церковно-государственных отношений после Февральской революции. В: Отечественная история. 4.
- К правительству СССР (1994), К правительству СССР (обращение православных епископов из Соловецких островов – «Соловецкое послание»). 1926 г. В: Губонин, М. Е. (сост.), Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943: Сб. в 2-х частях. Москва, 500–507.

- [Обращение собора к А. И. Деникину «и предводимому им Христолюбивому Воинству»]. В: ГАРФ. Ф. Р-5827 (Деникин А. И.). Оп. 1. Д. 116. Л. 2–3.
- [Письмо Верховского протодиакону Кафедрального собора г. Ростова-на-Дону Дмитрию Новочадову]. 8 сентября 1922 г. В: Архив УФСБ РО. Д. П-53110 [Дело № 14329. По обвинению Трефильева А.К. и др. 1923 г.]. Л. 51-56.
- [Постановление об амнистии]. 28 февраля 1924 г. В: Архив УФСБ РО. Д. П-59205.. Л. 289.
- [Проекты текстов приветственных телеграмм, составленные Верховским] В: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-3696 (Временное Высшее Церковное управление). Оп. 2. Д. 4. Л. 56.
- [Протокол № 1 заседания собора]. В: ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 2. Д. 4. Л. 3–6.
- Протокол допроса. 21 сентября 1922 г. В: Архив УФСБ РО. Д. П-59205. Л. 268.
- [Протокол допроса Карагичева А. В. в ГПУ в качестве свидетеля по делу Верховского П.В., 9 декабря 1922 г.]. В: Архив УФСБ РО. Д. П-59205. Т. 8. Л. 283.
- Римский, С. В. (2004), Верховский. В: Православная энциклопедия. Т. 8. Москва.
- Формулярный список о службе. В: Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 527 (Императорский Варшавский университет (Донской университет)). Оп. 3. Д. 754. (Верховский П. В.). Л. 39–40, 45–46.
- [Циркуляр окружным бюро юстиции]. В: ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 49. Л. 2.